

Кудрявцев Николай Викторович, Скипина Ирина Васильевна

МАТЕРИАЛЫ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1918-1923 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Статья раскрывает сущность, особенности, информационную возможность и социальную значимость материалов кадрового делопроизводства, изученные на примере советской рабоче-крестьянской милиции Тюменской губернии 1918-1923 годов. Было установлено, что данный вид источника отражает правовой статус милиционеров, а также дает возможность увидеть соответствие практики кадровой деятельности с закрепленными в правовых актах РСФСР требованиями. Исследование материалов кадрового делопроизводства органов милиции Тюменской губернии отражает порядок формирования личного состава, а также проблемы подбора и расстановки кадров в правоохранительных органах рассматриваемой губернии

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. I. С. 99-103. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

REGIONAL MODEL OF ORTHODOX TRADITION CULTURAL ADAPTATION IN SOVIET SOCIETY OF THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY (BY EXAMPLE OF THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA)

Koshkarov Anatolii Gennad'evich
Kuzbas State Pedagogical Academy
koshkaroff@mail.ru

The article is devoted to the problem of Orthodoxy cultural adaptation in the soviet society of the second half of the XXth century. By the example of the South of Western Siberia the author considers the forms and methods of religious tradition adaptation to state prohibitions and restrictions. As a result, the conclusion is made that contrary to the anti-religious policy of the soviet power the Russian Orthodox Church managed to maintain its identity and spiritual integrity.

Key words and phrases: religious culture; soviet society; religion; transformation; tradition; cultural adaptation.

УДК 930.25:351.74

Исторические науки и археология

Статья раскрывает сущность, особенности, информационную возможность и социальную значимость материалов кадрового делопроизводства, изученные на примере советской рабоче-крестьянской милиции Тюменской губернии 1918-1923 годов. Было установлено, что данный вид источника отражает правовой статус милиционеров, а также дает возможность увидеть соответствие практики кадровой деятельности с закрепленными в правовых актах РСФСР требованиями. Исследование материалов кадрового делопроизводства органов милиции Тюменской губернии отражает порядок формирования личного состава, а также проблемы подбора и расстановки кадров в правоохранительных органах рассматриваемой губернии.

Ключевые слова и фразы: Тюменская губерния; советская рабоче-крестьянская милиция; кадровые документы; исторический источник.

Кудрявцев Николай Викторович, к.и.н.
Ишимский государственный педагогический институт им. П. П. Ершова
nvkudryavtsev@mail.ru

Скипина Ирина Васильевна, д.и.н.
Тюменский государственный университет
i.skipina@mail.ru

МАТЕРИАЛЫ КАДРОВОГО ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА СОВЕТСКОЙ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ МИЛИЦИИ ТЮМЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ 1918-1923 ГГ. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК[©]

Организация аппарата Тюменской советской рабоче-крестьянской милиции началась в феврале 1918 г., но процесс был прерван в связи с Гражданской войной. После освобождения края от белогвардейцев формирование милиции продолжилось. 22 сентября 1919 г. при отделе управления Тюменского губревкома сначала был создан местный подотдел рабоче-крестьянской милиции, а с июня 1920 г. стало действовать губернское управление рабоче-крестьянской милиции, которое сохраняло свой статус до реорганизации в 1923 году.

Кадровым обеспечением данной структуры занимался административно-строевой отдел. Сотрудники отдела вели учёт милиционеров, осуществляли подбор и перемещение кадров, контролировали прохождение службы. Отдел курировал специальную и строевую подготовку работников, распределение их по уездам, районам, отдельным видам службы, формировал отряды для выполнения боевых заданий [9, д. 3, л. 10-23]. Кадровая документация, созданная в 1920-е гг., не потеряла информационной и социальной значимости и сегодня, так как отражает сущность и основное содержание трудовых отношений, сложившихся в органах милиции. В ней имеются сведения о наличии и движении персонала, данные о поощрениях и взысканиях, командировках, отпусках, обучении кадров, содержится информация о проблемах и успехах, которые имелись в милиции.

Согласно действующим в то время требованиям поступить на службу в милицию мог каждый гражданин РСФСР, достигший 21 года; грамотный; обладающий избирательным правом в Советы; годный к данной деятельности, не состоящий на военной службе, преимущественно прошедший службу в армии. Желавшие поступить на службу должны были обращаться в ближайшие управления. Подбор и прием кадров проводился исключительно городскими и уездными управлениями территориальной и районными управлениями железнодорожной и водной милиции. Бывшие красноармейцы также могли поступить на службу в милицию при условии, что это грамотный гражданин, не моложе 28 лет, пробывший не менее шести месяцев на фронте и вследствие ранений или болезни эвакуированный из действующей армии в тыл [7, д. 5, л. 11]. Преимущество имели молодые, имевшие опыт революционной борьбы, грамотные члены РКП(б) и комсомольцы.

К заявлению прикладывались документы о рождении, об отношении к воинской повинности, согласие учреждения, если состоял где-нибудь на службе, или разрешение местного отдела труда, свидетельство о несудимости,

[©] Кудрявцев Н. В., Скипина И. В., 2013

состоянии здоровья, образовании и анкета в 2 экземплярах установленной формы. Если заявление гражданина, желающего поступить на службу, удовлетворялось, то он зачислялся в списки милиции, на все виды довольствия [14]. Граждане, состоящие на службе в органах, не могли занимать какой-либо должности в другом ведомстве или заниматься частным предпринимательством. За нарушение дисциплины, порядка и правил службы милиционеры подвергались взысканиям по дисциплинарному уставу Красной армии. Принятые считались мобилизованными и могли призываться в ряды Красной армии только по особому соглашению Народного военного комиссариата с НКВД. Проверка анкеты и представленных документов, грамотности, войсковой подготовки и благонадёжности возлагалась на соответствующих руководителей, которые составляли акт о проверке кандидата на должность, который хранился в делах управления и в личном деле каждого милиционера.

Сотрудники ведомства должны были неуклонно исполнять возложенные на них обязанности, знать дисциплинарный устав служащих советской рабоче-крестьянской милиции от 22 августа 1919 г., многочисленные инструкции для милиционеров, Положение о рабоче-крестьянской милиции от 10 июля 1920 г. и другие регламентирующие документы. В данных материалах были указаны права, обязанности, ограничения и запреты, которые должны были выполнять все поступившие на службу, особое внимание уделялось применению табельного оружия. Специально оговаривалось, что милиционеры пользовались правами, одинаковыми с гражданами РСФСР, и могли подвергаться наказанию или взысканию не иначе как по приговору суда или в порядке, предусмотренном уставом [8, д. 2, л. 3].

На служащих милиции могли налагаться следующие взыскания: предостережение, выговор, наряд вне очереди, но не свыше 10 суток, арест на срок свыше 10 суток, смещение на низшие должности, увольнение со службы. Дисциплинарные взыскания налагались на подчиненных вышестоящими руководителями. Например, начальник уездной или городской милиции имел право налагать на своих подчиненных: предостережение, выговор, наряд вне очереди не свыше 7 суток, арест на срок свыше 7 суток, смещение на низшие должности, увольнение со службы. Участковый районный начальник милиции имел право применять предостережение, выговор, наряд вне очереди не свыше 3 суток, арест на срок свыше 3 суток, смещение на низшие должности, увольнение со службы. В отношении лиц, занимающих должности, замещаемые по выборам или с утверждения исполнительными комитетами местных советов, представления об увольнении и смещении передавались на окончательное рассмотрение в соответствующие исполкомы. Наложению взыскания предшествовало расследование совершённого проступка. Сведения о наложенном взыскании заносились в специальный журнал, с указанием персональных данных виновного, содержания совершенного деяния и вида примененного наказания. Все отделения ежемесячно составляли отчёт о наказаниях, примененных к сотрудникам, по единой форме, установленной Главным управлением советской рабоче-крестьянской милиции. Сотрудник, подвергнутый взысканию, имел право его обжаловать, при этом решение, принятое по обжалованию, являлось окончательным и дальнейшему пересмотру не подлежало. Служащие ведомства, осужденные за преступления и уволенные в дисциплинарном порядке, заносились в особые списки, которые сообщались всем отделам ведомства в Тюменской губернии и направлялись для сведения в Главное управление советской милиции.

Особенно строго вели учет лиц административно-политического состава. Составлялись специальные анкеты на каждого комиссара и его помощника по политической части, кроме того, формировались списки всех выдвигаемых на административно-политические должности. Сведения о занятых должностях и вакансиях предоставлялись 2 раза в год по состоянию на 1 января и 1 июля и пересылались не позднее 10 января и 10 июля в политсекретариаты губмилиции. Не позднее 20 числа того же месяца эти данные пересылались в политсекретариаты милиции Республики [Там же, л. 8].

В целях определения личных и служебных качеств милиционеров проводилась их регулярная аттестация. Результат аттестации оформляли документально. Данный документ составлялся непосредственно начальником аттестуемого работника и носил секретный характер. Для лиц комиссарского состава, кроме общих данных, указывали партийную принадлежность, принимал ли он участие в Октябрьском перевороте 1917 г., когда и где работал ранее, на какой должности, был ли мобилизован во время войны 1914-1917 гг., служил ли в Красной Гвардии, находился ли под судом и следствием до или после революции. За недобросовестность и пристрастное отношение при составлении аттестаций ответственные работники отвечали в судебном порядке. Руководители, утверждающие аттестационные документы, имели право назначения расследований по спорным вопросам [Там же, л. 32 об.].

Ведомство вело учёт награждённых и представленных к награде милиционеров, записи вносились в журнал в табличной форме, где указывались: фамилия, имя, время поступления на службу, место службы и то, за что представлен к награде. Отдельно собирались сведения о членах и кандидатах в члены РКП(б) [3, д. 313, л. 55]. Сотрудникам, принятым на службу в милицию, выдавали служебное удостоверение. В марте 1922 г. в Москве на съезде начальников губернских управлений милиции К. Г. Желтовский получил первое такое удостоверение начальника милиции Тюменской губернии (до этого времени он имел мандат, выданный местными органами власти) [16, с. 146-153]. Характеризуя положение, сложившееся с кадрами, руководители ведомства не раз указывали на неудовлетворительное материальное обеспечение милиционеров, приводящее к тому, что на службу попадали случайные, малограмотные люди. В отчете Совету труда и обороны, составленному на 1 октября 1922 года, говорилось: «В материальном отношении милиция до сего времени очень слаба, что отражается во всех отношениях и на воспитании, и на специальной службе, и на вербовке» [5, д. 62, л. 68].

На сотрудников милиции возлагалась ответственность по ведению караульной службы, охране общественного порядка, оказанию содействия финансовым и продовольственным органам в сборе налогов и борьбе с беспатентной торговлей, наблюдению за порядком в общественных местах. Милиция вела борьбу с крестьянами,

открыто выступавшими против выполнения продовольственного налога. При необходимости их привлекали к участию в оперативных действиях и работе, связанной с наведением общественного порядка. Многим милиционерам были присущи деловые качества, они проявляли желание честно работать. Однако ответственных людей, обладающих профессиональными навыками, не хватало. Некоторых направляла на работу в милицию биржа труда, и они смотрели на милицейскую службу «как на временный кусок хлеба. По испытанию, они оказывались непригодными, их приходилось увольнять из рядов милиции и пополнять другими. Таким образом, создавалось невольно чрезмерное движение личного состава, которое не могло не отразиться на всей работе» [12, с. 23]. В докладе Тюменского политического комиссара Тюменской милиции 4 января 1922 г. отмечалось: «Милиция не знает своих обязанностей, следствия вести не могут, квалификация низкая» [6, д. 68 а, л. 5].

К октябрю 1922 г. личный состав тюменской губернской милиции был укомплектован только на 30%. В докладе начальника Тюменской горюездной милиции, сделанном в этот период, говорилось: «Материальное положение плохое, штат на 90% не соответствует требованиям» [Там же, д. 107, л. 21-22]. В октябре 1922 г. оставались вакантными 11 должностей командного состава и 152 должности простых милиционеров. До октября милиция состояла на государственном снабжении, а в ноябре 1922 г. была переведена на местный бюджет, что еще более осложнило положение. В октябре 1922 г. зарплату милиционерам выдавали червонцами, средняя ставка при этом составляла 12 руб. 80 копеек, а в ноябре – совзнаками, покупательная способность которых была ниже, чем червонца. При этом средняя зарплата в данном учреждении составляла 19 рублей и 1 пуд муки, что было меньше, чем в среднем в промышленности губернии. Всего на довольствии в губернской милиции в декабре 1922 г. состояло 194 человека командного состава и 738 милиционеров. Денег в местном бюджете на обмундирование, оружие, патроны, содержание лошадей, так необходимых для оперативных поездок, не имелось. Милиция, по данным на конец декабря 1922 г., нуждалась, по крайней мере, в 360 лошадях, которые были необходимы для выездной работы [12, с. 22-23].

В материалах Тюменского губернского исполкома неоднократно встречаются данные о работе милиции. Так, в отчете за октябрь 1922 г. – октябрь 1923 г. отмечалось, что, несмотря на трудности, в работе данного ведомства наметилась положительная динамика: «Использование милиции удовлетворительно». В первые месяцы 1922 г. охраной порядка, спокойствия, борьбой с пьянством и уголовной преступностью занимались 45% сотрудников милиции, несением караульной службы – 15%, оказанием содействия судорганам – 25%, содействием продовольственным и финансовым учреждениям – 15%, другим ведомствам – 5%. Работали в три смены, всего в губернии действовали 26 внешних и 12 внутренних постов. Значительное место занимала борьба с девиантным поведением: проституцией, самогоноварением, пьянством. С ноября по декабрь 1922 г. было проведено 547 обысков и отобрано 1 943 самогонных аппарата, изъято 1646 ведер самогона, передано в суд 2 147 дел о самогонщиках. В административном порядке было рассмотрено 1 500 дел о самогоноварении и взыскано за данные деяния 469 295 рублей штрафов. По другим делам было составлено 800 протоколов [Там же].

Имели место факты неблагоприятного поведения и в среде самих милиционеров. Наиболее распространенными, судя по данным кадрового делопроизводства, были следующие нарушения: опоздание, отсутствие на месте в рабочее время, уход со службы раньше положенного времени, затягивание рассматриваемых дел, бюрократизм и нарушения при составлении документации, небрежное отношение к обязанностям, неточное выполнение приказов. Встречались и грубые нарушения законов в ходе следственных и розыскных действий, халатное отношение к оружию и боеприпасам, превышение должностных полномочий, взяточничество [13]. Так, летом 1923 г. сотрудники Тюменской уездно-городской милиции Пьянков и Мартыанов взяли на поруки арестованного и получили за это от него взятку в виде 20 рублей и гимнастерки. Каждый из виновных был приговорен к одному году заключения [17]. Особенно часто факты взяточничества встречались в глубинке. В протоколах заседаний уездных советов неоднократно указывалось, что милиция плохо снабжается продовольствием и обмундированием, «большинство милиционеров занимаются взяточничеством» [6, д. 3, л. 157]. Случалось, граждане говорили: «...милиция бедна... перебиваются случайными заработками, другие, более худший элемент, правда, по необходимости, берут взятки» [Там же, л. 241 – 241 об.].

Нередкими были и проявления девиантного поведения самих милиционеров. В их числе распитие спиртных напитков, карточная игра на рабочем месте, неправомерное применение оружия. Так, сохранилось заявление очевидца о следующем: «9 февраля в Тюмени я (С. И. Степурко) видел, как на свадьбе пьянствовали милиционеры, а начальник милиции дал 3 выстрела вдоль улицы, где шла толпа» [4, д. 25, л. 518 – 518 об.]. Имели место случаи, когда милиционеры, находясь в нетрезвом состоянии, совершали преступления, пользуясь служебным положением, незаконно производили аресты и избивали граждан [19]. В одном из рапортов начальника Тюменской уездно-городской милиции в губернское управление говорилось: «...[милиционеры] напиваются исключительно от пива и красных вин, каковые официально разрешены органами, подведомственными НКВД...» [10, д. 4, л. 61]. Из тюменской губернской милиции в период с 1 ноября 1922 по 1 марта 1923 г. уволили «за пьянство» 145 человек [18], а в июле этого же года еще 137 сотрудников [17].

Показательным является рапорт начальника Тюменской горюездной милиции А. Меховых, поданный им 15 марта 1923 г. в уездный исполнительный комитет. В рапорте предлагалось предоставить право органам милиции производить отчисления от штрафов для поощрения своих работников. А. Меховых писал: «Нужно соизнаться в том, что милиционер, пробыв на службе 16-20 часов каждые сутки, стремится быстрее добраться до квартиры... Если бы милиционер знал, что ему будет выдаваться 25% от штрафа, наложенного по составленному им протоколу, то он бы по окончании службы во время следования до квартиры обязательно составил бы несколько протоколов, зная то, что он зарабатывает. Если же вопрос ставить так, что милиционер и без того обязан это сделать, то ответ на это каждый милиционер найдет такой: он на службе находится 16-20 часов,

следовательно, нет никакого юридического права спросить с него большего... Постановку вопроса вызывает сама жизнь... Вот те мотивы, на основании которых я ходатайствую об удовлетворении вышеизложенного и прошу при рассмотрении оставить в стороне то, что милиционер и без этого обязан работать» [10, д. 4, л. 44].

Тяжелое материальное положение, опасная служба, ненормированный рабочий день, требующий полной отдачи, вызвали текучесть милицмейских кадров. В первые девять месяцев 1924 г. в тюменскую милицию были приняты 224, а уволены 230 человек. Из них по собственному желанию ушли 92 работника, по несоответствию должности – 64, по другим причинам – 74 сотрудника. Из числа уволенных 33 человека были привлечены к уголовной ответственности, из них 23 занимали должности старших и 9 – младших милиционеров, 1 являлся работником административно-хозяйственной части. Дисциплинарные взыскания разного рода в этот же период применили к 89 сотрудникам [15, с. 221].

Кадровые проблемы находились в прямой корреляции с раскрываемостью преступлений, которая была невысокой. Наиболее полные сведения о раскрытии разного рода преступлений органами милиции дают ежемесячные отчеты городских и уездных управлений. Например, согласно этим данным, только на территории г. Тюмени в 1922 г. было совершено 2 051 преступление, из них раскрыто всего 886 [2, д. 147, л. 1, 4-5, 9, 12, 15, 24, 27, 29, 31, 38, 41]. Материалы свидетельствуют, что на первом месте стояли кражи, которых было зарегистрировано 1 742, раскрыто 665, убийств – 26, раскрыто 17 [11, д. 29, л. 6 – 6 об.]. Раскрываемость всех преступлений за 1922 г. составила 43,2%. Для сравнения, согласно отчетным документам, в 1922 г. в Челябинске было совершено 2 098 преступлений, из которых раскрыто 1 116 [2, д. 149, л. 39], раскрываемость составила 53,2%, в этом же году в Симбирске было совершено 2 055 преступлений, из них раскрыто 515 [Там же, д. 140, л. 2, 6, 9, 12, 15, 22, 29, 33, 37, 41, 49, 55], раскрываемость составила 25%. Как свидетельствуют отчетные материалы, в среднем по РСФСР Тюменская губерния особо не отличалась от других регионов высоким уровнем преступности, однако не выделялась и высоким показателем их раскрываемости, который в среднем в рассматриваемый период не превышал 50%.

Руководство постоянно работало над профессиональной подготовкой служащих, совершенствовались и методы политического просвещения, особенно приветствовалось расширение числа членов партии в рядах милиционеров. Программа политических, строевых и специальных занятий, рассчитанная на срок обучения шесть недель, была предназначена для тех, кто прошел службу в армии. Специальные занятия с милиционерами, рассчитанные на восемь недель, предполагались для сотрудников, незнакомых со строевой подготовкой и не служивших в регулярных частях. Расписание занятий по программам утверждалось распоряжением начальника милиции Тюменской губернии. Программа как шести-, так и восьминедельного курса исполнялась при условии полного освобождения от несения службы [8, д. 54, л. 15-16]. Обучение имело целью повышение уровня теоретической и практической подготовки работников. При невозможности полного освобождения от несения службы милиционеры должны были обучаться в рабочем порядке, пользуясь каждым свободным часом, для чего в управлениях милиции Тюменской губернии составлялись расписания применительно к свободному времени [1, д. 160, л. 6].

В отчетах административно-строевого отдела много внимания стали уделять ликвидации правовой и политической неграмотности. Для сотрудников проводились лекции по праву, профессиональной подготовке, политическому положению в стране и за рубежом, личные собеседования просветительного характера. В 1923 г. был создан юридический кружок и школа милицкого резерва. Только за период с октября 1923 г. по октябрь 1924 г. из лиц, окончивших школу резерва, были направлены на работу в районы 47 человек [15, с. 221]. Документы делопроизводства по личному составу органов Тюменской милиции свидетельствуют: работа с кадрами была политизирована. В ходе профессиональной подготовки много времени уделялось занятиям в форме лекций и идеологической пропаганде.

Дальнейшее изучение кадровой документации (анкеты, заявления о приеме, увольнении, сведения о перемещении и обучении кадров, инструкции для милиционеров, отчеты о кадровом составе, журналы о представлении к наградам и наложении взысканий, личные дела) даст возможность определить специфику и особенности ведения работы с личным составом в правоохранительных органах. Несомненно, что эти данные нуждаются в проверке другими источниками, они нередко плохо оформлены, имеются не по всем отделам Тюменской губернской милиции и не за все периоды 1920-х гг. Служащие административно-строевого отдела сами отмечали сложность форм составления отчетов по личному составу, особенно для низового аппарата. Однако эти материалы дают представление о милицмейских кадрах, а они, как известно, решали все.

Полученные данные позволяют детализировать то, как преодолевался невысокий профессиональный уровень служащих, каким образом влияла политизация ведомства на его практическую работу. Сегодня важно сделать вывод о достоинствах и недостатках в организации и деятельности советской милиции, что во многом зависело от ее кадрового состава, ведь это так необходимо недавно созданной российской полиции.

Список литературы

1. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 272. Оп. 1.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 38.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. Р-192. Оп. 1.
4. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1. Оп. 1.
5. ГАТО. Ф. Р-3. Оп. 1.
6. ГАТО. Ф. Р-44. Оп. 1.

7. ГАТО. Ф. Р-114. Оп. 1.
8. ГАТО. Ф. Р-149. Оп. 1.
9. ГАТО. Ф. Р-149. Оп. 3.
10. ГАТО. Ф. Р-149. Оп. 4.
11. ГАТО. Ф. Р-154. Оп. 1.
12. Краткий отчет о деятельности Тюменского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, избранного V Тюменским губернским съездом Советов. Тюмень, 1923.
13. Материалы Экспозиции (постоянно действующей) Культурного центра УМВД России по Тюменской области.
14. О рабоче-крестьянской милиции (Положение): Декрет ВЦИК РСФСР от 10 июня 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1920. № 79.
15. Отчет Тюменского окружного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 1-го состава 2-му окружному съезду Советов Тюменского округа Уральской области. Тюмень, 1924.
16. Скипина И. В., Кудрявцев Н. В., Климов И. П. Ксенофонт Георгиевич Желтовский – первый начальник тюменской губернской милиции // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2. С. 146-153.
17. Трудовой набат. 1923. 7 июля.
18. Трудовой набат. 1923. 15 августа.
19. Трудовой набат. 1923. 25 ноября.

**PERSONNEL RECORDS MANAGEMENT MATERIALS OF SOVIET WORKERS AND PEASANTS'
MILITIA IN TYUMEN PROVINCE DURING 1918-1923 AS HISTORICAL SOURCE**

Kudryavtsev Nikolai Viktorovich, Ph. D. in History
Ishim State Pedagogical Institute named after P. P. Ershov
nvkudryavtsev@mail.ru

Skipina Irina Vasil'evna, Doctor in History
Tyumen State University
i.skipina@mail.ru

The article reveals the essence, features, information capability and social significance of personnel records management materials, studied by the example of the soviet workers and peasants' militia of Tyumen province of 1918-1923. It is stated that this type of source represents the legal status of militiamen, and also gives an opportunity to see the compliance of personnel activity practice with the requirements consolidated in the legal acts of the RSFSR. The research of Tyumen province personnel records management materials represents the order of staff formation, as well as the problems of the recruitment and placement of personnel in the law machinery of the province under consideration.

Key words and phrases: Tyumen province; soviet workers and peasants' militia; personnel documents; historical source.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

В статье делается попытка выявить роль аккомпанемента при игре на гармонии в татарской фольклорной традиции. На основе анализа высказываний татарских гармонистов и транскрипции их выступлений делается вывод о том, что целью музыкантов является не столько использование средств ладофункциональной гармонии или ритма, сколько параллельное дублирование мелодии басовым голосом. Приняв в свою культуру гармонь, созданную в соответствии с нормами западноевропейского музыкального мышления, татарские гармонисты добились звучания, которое не вписывается ни в рамки татарской монодической традиции, ни в рамки западной музыкальной культуры.

Ключевые слова и фразы: народная инструментальная исполнительская традиция; татарский фольклор; гармонь; хромка; рояльная гармонь; татарская гармонь; аккомпанемент.

Куйвинен Пол Уолтер

Казанская государственная консерватория (академия) имени Н. Г. Жиганова
prathamigos@gmail.com

**О РОЛИ АККОМПАНеМЕНТА В ТАТАРСКОЙ НАРОДНОЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИИ НА ГАРМОНИ[©]**

В настоящей статье речь пойдет об особенностях аккомпанемента в татарской гармонной исполнительской традиции. Звучание инструмента в руках татарского гармониста более чем своеобразно; сопровождение, воспроизводимое на левой клавиатуре, зачастую образует ладофункциональный диссонанс с мелодией, играемой на правой клавиатуре. Кажется, что задача народного исполнителя ограничивается созданием